

Итак, всего за годы первых пятилеток появилось 11 городов, а во вновь образованной Кемеровской области к 1943 г. городское население составляло 60%.

Литература

1. Берлинтейгер Б.И. Проект социалистического Щегловска «С максимально возможным обобществлением быта» (1931) // Балибаловские чтения : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию гор. статуса города. Кемерово, 1998.
2. Зюзьков Ю. С. Индустриальный Щегловск – «Город-сад» // Вестн. Кузбас. гос. техн. ун-та. 2001. № 5.
3. Многонациональный Кузбасс. Кемерово, 2003.
4. Привалихин В.П. Тайга 100 лет. Томск, 1996.
5. Усков И.Ю. Кемерово: формирование территории и населения областного центра. Кемерово, 2001.

Industrial development as the determinative factor of town building in the Kemerovo region in the first half of the XX century

There are considered the peculiarities of settlement of the Kemerovo region, stages of the industrial development and urbanization as the factors that determined further processes in the sphere of traditional culture: disappearance of the social and cultural environment of traditional culture functioning, syncretism of cultural traditions of migrants and the native population.

Key words: *the Kemerovo region, urbanization, industrialization, industrial region, traditional culture.*

Е.В. СТЕЛЬНИК
(Волгоград)

ХАРОС В ВИЗАНТИЙСКОМ «НАРОДНОМ ПРАВОСЛАВИИ»

Ставится вопрос о синтезе византийских фольклорных представлений и средневековых православных концепций, уточняется термин «народное православие». При этом обосновывается корректность использования новогреческого фольклора для воссоздания византийских ментальных реалий.

Ключевые слова: *Харос, смерть, византийский фольклор, «народное православие».*

Харос как проблема. Образ Хароса является ярким феноменом византийской народной культуры. Этот образ смерти, выступающий результатом сложной эволюции представлений об античном Хароне, позволяет нам

рассмотреть византийское фольклорное мировоззрение непосредственно и во всей его полноте. Не случайно в западноевропейской фольклористике XIX в. именно присутствие образа Хароса стало залогом народности новогреческой песни, ее «неиспорченности» литературной обработкой и редакцией [2, р. 60]. В этом контексте Харос стал примером выражения «непосредственной народной фантазии» [18, с. 26], типичным «вульгаризмом» [12, S. 90], отражением наивных представлений, привлекающим исследователей своей «естественностью» и определенной экстравагантностью или своеобразным метаболизмом древнегреческих образов [11, р. 90].

Во многом Харос – это образ, в котором выражаются и аккумулируются ключевые византийские фольклорные представления о смерти и основные «концепции» загробной жизни. Харос в этом смысле – важнейший образ византийского фольклора, персонаж целого цикла новогреческих песен (Carmina Charoneia). В определенной степени, он даже формирует сам характер народных песен.

Термин «народное православие». Византийские верования в Хароса и подобных ему «народных» персонажей иного мира настолько устойчивы, что возможно говорить о существовании своеобразной византийской «народной религии». Сам термин «народная религия» («народное православие») требует своего уточнения. Он проблематичен [8, р. 4], т.к. предполагает наличие «ненародного» православия [5, р. 96]. В этом смысле уточнения требует уже термин «народ». В данном контексте под народом принято понимать широкие малообразованные, часто крестьянские, слои византийского общества. Так, Х.Г. Бек говорит о «народе» как некоем слое (layer), который в силу происхождения, профессии и образования оказывается далеким от богословия [3, S. 10]. К. Хартнуп проводит четкую черту между официальным православием образованной элиты или духовенства и «православием» крестьянских приходов, хотя и признает, что такое деление условно [8, р. 5]. У П. Бурке, наоборот, именно низшие необразованные слои являются носителями «традиционной массовой культуры» [4, р. 8], оппозирующей культуре официальной. Однозначное представление по этому вопросу в историографии отсутствует.

Византийское «народное православие» объединяло в себе неприемлемые для официальной Церкви представления, которые зача-

стую определяются как суеверные или даже языческие. Проблема в том, что такие представления являются «суррогатными» [3, S. 65], т.е. выступают результатом сложного синтеза христианских, языческих и даже фольклорных, дорелигиозных представлений. Это смешение и стало предметом нашего рассмотрения.

В новогреческих песнях мы наблюдаем синтез архаичных представлений о Харосе (хтоническое мировоззрение) и христианства в его своеобразной народной форме. И если в «высокой» византийской литературе официальное христианство постепенно вытесняет фольклорные представления о Харосе, что хорошо видно по редакциям поэмы «Дигенис Акрит» [3, S. 11], то в народных песнях мы наблюдаем совершенно иной процесс.

Византийское православие в своем народном варианте вовсе не противостоит и уж конечно не борется с нехристианскими представлениями о Харосе, а, наоборот, находится в глубокой и естественной взаимосвязи с ними. Мы наблюдаем своеобразное слияние хтонических представлений о Харосе и «низового» народного православия. По сути, и у того, и у другого общая фольклорная основа, поэтому нет ничего странного, что в песнях обращения к Христу [13, с. 260, 256] соседствуют с описаниями злодеяний Хароса, а часто просто вызваны его появлением.

Новогреческие песни как источник в изучении византийского «народного православия». Наша статья строится на анализе новогреческих песен, собранных А. Пассовым [15, с. 291–310], С. Форьедем [7, S. 4–9] и Н. Политосом [13, с. 207–274]. Это около 100 песен, записанных исследователями еще в XIX в. на территории континентальной и островной Греции, т.е. тот объем материала, на основании которого можно воссоздать картину византийских представлений. Прежде чем это делать, необходимо ответить на вопрос, почему новогреческие песни при внимательном рассмотрении имеют византийские истоки и являются источником в изучении византийских народных представлений.

Несмотря на то, что в большинстве своем новогреческие песни были записаны только в XIX в., происхождение их достаточно архаично. Демотический язык греческих песен достаточно четко относится к X–XII вв. Это касается и стихотворного размера песен. Политический стих в 15 слогов имеет явное византийское происхождение. В XII в. в таком размере писали Евстафий Солунский, Максим Плануд или Иоанн Цец. Зачастую стих в 15 слогов воспринимается как собственно византийский [2, p. 75–76].

При том, что самая древняя греческая народная песня относится к 1461 г. («Плач о падении Адрианополя»), очевидно, что в устной форме песни существовали и 400 лет до этой даты (Там же, p. 35). В XII в. народ распевал «весенние» песни на ипподроме, и это не казалось современникам чем-то необычным. Один из кесарийских епископов в это же время описывал народных певцов, поющих на улицах свои песни за небольшую плату (Там же, p. 77). Именно к XII в. относятся многие кипрские песни. Хотя есть мнение, что песни возникли до XII в. в Малой Азии (Там же, p. 115) или даже во времена Юстиниана [11, p. 28]. Неудивительно, что новогреческие песни о Харосе несут в себе византийские народные представления [14, с. 186], закрепившиеся в народной памяти на долгое время.

В историографии новогреческие песни как источник для раскрытия византийских реалий использовались не раз. Так, основная на сегодняшний день работа о византийском загробном мире Х-Г. Бека основана на 150 плачах [3, S. 23], активно в своей статье о Харосе песни использовала М. Алексиу [1, p. 221–236].

На основании новогреческих песен мы рассмотрим три вопроса: православие как бытовой фон в песнях Хароса; Харос и ангелы; Харос и Бог. Тем самым попытаемся охватить проблемы византийского «народного православия» максимально широко.

Православие как бытовой фон в новогреческих песнях. На бытовом уровне представлений все концепции подчиняются повседневным условиям жизни. Так, узнавание смерти в песнях зачастую происходит через христианские символы. Герой видит у своего дома крест [15, с. 294–295], во дворе дома встречаются его попадьи (сидят на скамейках) [15, с. 294, 295]. Мать крестит умирающую девушку [15, с. 296–297, 299], Константин после смерти любимой приезжает в церковь [15, с. 297]. Обстоятельства смерти происходят в христианских декорациях. Здесь можно вспомнить, что в «Дигенисе Акрите» такой христианский фон отсутствует.

Большое значение в народном православии играют христианские праздники и календарь и их земледельческие корни [17, с. 228]. В воскресенье Аид открывает свои двери [15, с. 309]. Суббота, день св. Феодоры – дни, когда жизнь покойников немного облегчается (Там же, с. 301), в день св. Михаила Харос режет своих жертв особенно активно [6, p. 224].

Хтонические представления о Харосе и народное православие построены на одних и тех же мифологических принципах. Христиан-

ство на этом уровне представлений не борется с фольклором, а гармонично сливается с ним. В результате появляется своеобразное «хтоническое православие», в котором Харос оказывается ангелом, стоящим на службе Бога. Конечно, это очень своеобразный ангел и очень архаичный бог.

Харос и ангелы. В серии новогреческих песен Харос забирает души не один, а вместе с ангелами. Так, иногда описывается, что к Дигенису являются Харос, Лиос и архангел Михаил, вооруженный тремя мечами (для бедняков, для архонтов и отравленный – для богатырей) [13, с. 223]. И Лиос, и архангел Михаил – это христианские персонажи, убивающие своих жертв весьма архаичным способом. Перед нами христианские образы, наполненные нехристианским содержанием. Так, архангел Михаил может полностью функционально заменять Хароса, являться к умирающим с мечом в руках, забирать душу (Там же, с. 227). Иногда ангелы помогают Харосу, когда уведут душу после борьбы на току [15, с. 304].

Получается, что в повседневных народных представлениях ангелы параллельны образу Хароса, т.к. выполняют одни и те же функции, становятся мифологическими синонимами. Вести записи в книге мертвых может Харос, а могут три ангела [13, с. 240]. Забрать душу может Харос, а может ангел или архангел. Сам процесс от этого не меняется. Совсем не удивительно поэтому, что и Харос может в таком контексте пониматься как ангел, находящийся на службе у Бога. Дж. Лоусон описывал в своей замечательной книге представления о том, что Харос на самом деле святой [9, р. 101]. Здесь можно вспомнить его белые одежды, «блестящие» и «яркие как солнце» волосы [15, с. 306], ласковое обращение к нему «дедушка Харос» [16, с. 65] и его добрую мать, уговаривающую его не творить зло, а ограничиться необходимым наказанием [15, с. 291]. Харос может быть желательным помощником [3, S. 38] и даже крестным для детей [9, р. 102].

Святой Харос или Харос-ангел мало что объясняет, а скорее ставит вопрос о фольклорных представлениях в «народном богословии». Есть ли пределы «гибкости» этого образа?

Харос и Бог. Если Харос может быть святым или ангелом, то нет ничего удивительно, что он, по представлениям, находится на службе у Господа, т.е. включен в христианскую иерархию. Поскольку описания образа Хароса не меняются, можно говорить о своеобразном архаичном понимании Бога. Другими словами, перед нами не христианский Ха-

рос, а фольклорный Господь Бог, который несет в себе явные архаичные и хтонические черты. Скорее фольклорные, чем ветхозаветные. И тогда жестокая смерть – это не что иное, как проявление жестокой власти Бога, который посылает Хароса забирать души, разлучать близких и родных.

В песнях о пастухе Харос прямо говорит богатырю, что его послал за душой Бог [15, с. 303, 305, 307], отдал приказ (Γεῖναι πρὸς τὰ γυμῖ ἀπὸ τὸ Θιὸ) (Там же, с. 306), да так сурово, что Харос не мог его послушаться. Вся жестокость смерти переходит на Бога. Надо заметить, что пастух не является грешником, за ним нет никакой вины, он молод и трудолюбив, а смерть его не имеет никакого объяснения.

В интересной песне о Константине, который пахал и сеял поля ржи и пшеницы, описывается, что Харос стоит у ног Господа, который сидит в кресле и составляет книгу живых и мертвых. Константина записывает он к мертвым [13, с. 239] (иногда говорится, что книгу ведут три ангела (Там же, с. 240)). Исправить эту запись невозможно, и Константину придется умереть. Произвол не имеет никакого предела. Но произвол здесь – синоним власти, а поскольку власть Бога ничем не ограничена, то и произвол тоже.

Можно поставить вопрос о результате борьбы официального христианства с языческими рудиментами. Мы видим, что на фольклорном уровне монотеизм в виде единого Бога победил множество языческих богов, а тех, кого не смог вытеснить, подчинил и поставил под свою власть, как это случилось с Харосом. Однако в процессе взаимодействия сами христианские концепции приобрели архаичный фольклорный характер. Христианство, подчинив языческие представления о смерти [3, S. 16] власти православного Бога, деформировалось и приобрело на низовом «народном» уровне все хтонические черты своего фольклорного оппонента [10, S. 100]. В этом смысле фольклорный Харос и фольклорное православие имеют в своей основе единое хтоническое мировоззрение с его фундаментальными архаическими корнями и основаниями. Целостность этого мира поражает.

Литература

1. Alexiou M. Modern Greek Folklore and its Relation to the Past. The Evolution of Charos in Greek Tradition // The 'Past' in Medieval and Modern Greek Culture: ed. S. Vryonis. Malibu, 1978.
2. Beaton R. Folk Poetry of Modern Greece. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

3. Beck H.G. Die Byzantiner und ihr Jenseits: Zur Entstehungsgeschichte einer Mentalität. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1979.

4. Burke P. Popular Culture in Earle Modern Europe. N.Y. – Hagerstown – San Francisco – London: Harper Torchbooks, 1978.

5. Cameron A. The Byzantines. The Peoples of Europe. Malden – Oxford – Carlton: Blackwell Publishing, 2006.

6. Du Boulay J. The Greek Vampire: A Study of Cyclic Symbolism in Marriage and Death // Man. New Series. 1982. Vol. 17. I. 2.

7. Fauriel C. Neugriechische Volkslieder: in zweiter Theil. 1825. T. II. A. II. Romantische lieder.

8. Hartnup K. 'On the beliefs of the Greeks': Leo Allatios and popular Orthodoxy. Leiden – Boston: Brill, 2004.

9. Lawson J.C. Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion: A Study in Survivals. Reprint. Originally published: Cambridge: University Press, 1910: Kessinger Publishing, 2003.

10. Maayan E. Visiting Hades: A Transformation of the Ancient God In The Ninth-Century Byzantine // BZ. 2006. Bd. 99. H 1 – 93.

11. Vreto M. Mélanges Néohelléniques. Athenes, 1856.

12. Waser O. Charon, Charun, Charos. Mythologische-Archaeologische Monographie. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1898.

13. Πολίτου Ν. Γ. Ἀκριτικά ἄσματα. Ὁ θάνατος τοῦ Διγενῆ // Λαογραφία 1. Αθήναι: Τύπος Π. Δ. Σακλλαρίου, 1909.

14. Πολίτου Ν. Γ. Δημώδη byzantina ἄσματα // Λαογραφικά σύμμεικτα. Δ. Αθήναι, 1980.

15. Τραγοῦδια ῥωμαϊκά. Popularia carmina. Graeciae recentioris / edidit A. Passow. Lipsiae, 1860.

16. Греческие народные песни / выбрал и перевел В. Нейштадт. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1957.

17. Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. СПб. : Алетейя, 1997.

18. Попова Т.С. Византийская народная литература. М. : Наука, 1985.

Ю.А. КУДРЯШОВА
(Астрахань)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БРИТАНСКИХ МИССИОНЕРОВ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Подчеркивается важность выявления не только истоков политических, национальных, религиозных противоречий, часто ведущих к вооруженным столкновениям между народами, но и факторов, которые могли бы привести и приводили к межкультурному диалогу. С этой точки зрения рассматривается деятельность европейских миссионеров в колониальную эпоху, прежде всего в сфере распространения образования среди туземных народов.

Ключевые слова: диалог культур, миссионерство, образовательная политика, Западная Африка.

В настоящее время достаточно актуальной является проблема взаимодействия различных культур, поскольку религиозные и национальные противоречия часто становятся основой локальных конфликтов. Истоки многих из них следует искать в колониальном прошлом государств и народов. Однако наряду с насильственным подчинением европейцами туземного населения происходил достаточно активный культурный и религиозный обмен между ними. Большую роль в этом играли миссионерские общества. Расцвет деятельности британских миссионеров приходится на вторую половину XIX в.

Известный британский историк Э. Портер отмечал, что ограниченные материальные ресурсы миссионеров, малая численность и близость к местному населению, не всегда миролюбивому, заставила их осознать собственную слабость [17, с. 375]. Чтобы выжить и преуспеть в деле распространения христианства и европейской культуры, миссионерам нужно было завоевать доверие местных племен, «вписаться» в образ миролюбивого соседа, максимально приспособив свои мысли, чувства, образ жизни к традиционным ценностям и быту. Наибольших успехов миссионеры достигли в сфере образования.

Как правило, вожди игнорировали моральное и религиозное воспитание. Школы были нужны им для приобретения профессиональных знаний: считать зерна, выжимать пальмовое масло, получать сахар или строить лодки

Kharos in the Byzantine “folk orthodoxy”

There is covered the issue of the synthesis of the Byzantine folk notions and the medieval orthodox conceptions, clarified the term “folk orthodoxy”. There is substantiated the correctness of the use of the modern Greek folklore for the recreation of the Byzantine mental realities.

Key words: *Kharos, death, the Byzantine folklore, “folk orthodoxy”.*